

ДМИТРИЙ ВАДИМОВИЧ БАХАРЕВ,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры публичного права,
Пермский институт ФСИН России, г. Пермь, Российская Федерация,
e-mail: demetr79@mail.ru

**ЕВСЕЙ ГУСТАВОВИЧ ШИРВИНДТ –
НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
(К ЮБИЛЕЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Аннотация: статья посвящена юбилею Е. Г. Ширвиндта – первого советского руководителя пенитенциарной службы Наркомата внутренних дел РСФСР. Находясь этом посту, он последовательно выступал за ограничение масштабов применения уголовного наказания в виде лишения свободы и за гуманизацию советской исправительной системы в целом. Такая позиция Ширвиндта вызывала резкое неприятие со стороны ведущего функционера сферы советской юстиции 1920–1930-х гг. Н. В. Крыленко. В статье анализируются истоки идейного противостояния между этими фигурами, относящиеся к 1927 г.

Ключевые слова: Е. Г. Ширвиндт, Главное управление мест заключения, Н. В. Крыленко, уголовная политика, лишение свободы.

В нынешнем году исполнилось 130 лет со дня рождения Е. Г. Ширвиндта (1891–1958) – начальника Главного управления мест заключения (ГУМЗ) (1922–1930). К сожалению, сегодня упоминание этого структурного подразделения Народного комиссариата внутренних дел РСФСР в большинстве случаев может вызвать лишь негативные ассоциации – в сознании сразу же всплывает страшное слово «ГУЛАГ». Между тем именно Евсей Густавович сделал многое для того, чтобы воспрепятствовать росту числа заключенных в Советской России в конце 1920-х гг. за счет ограничения масштабов применения наказания в виде лишения свободы. Ширвиндт последовательно выступал за гуманизацию советской исправительной системы и построение ее на передовых началах мировой пенитенциарной науки того времени [1, с. 1063; 2, р. 45]. Он сопротивлялся передаче большей части заключенных в ведение ОГПУ, и именно упорство Ширвиндта и его начальника, наркома внутренних дел В. Н. Толмачева, в этом вопросе в итоге подтолкну-

нуло Сталина к решению о ликвидации НКВД в 1930 г. и передаче мест заключения в Наркомат юстиции РСФСР и ОГПУ [3, с. 215]. В целом же Ширвиндт в числе немногих ведущих работников советской юстиции (наряду с А. Сольцем, П. Стучкой, И. Булатом и А. Винокуровым) выступал против незаконных судебных компаний рубежа 1920–1930-х годов [4, с. 137].

Главной причиной отстранения Е. Г. Ширвиндта и от руководства советской системой мест заключения, и от научно-исследовательской и организаторской деятельности (в 1925–1931 гг. он по совместительству являлся директором Государственного института по изучению преступности и преступника (ГИПП)), являлось, на наш взгляд, его идейное и аппаратное противостояние с Н. В. Крыленко – знаменитым революционером, ставшим к середине 1920-х гг. одним из ведущих деятелей советской юстиции. Их многолетний конфликт начался с разногласий по вопросу о векторе развития советской уголовно-исполнительной политики в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого столетия в целом, а также о значении и роли в ней лишения свободы в частности. Впоследствии различие позиций Ширвиндта и Крыленко проявилось и в выборе стратегии реформирования уголовного законодательства, и в дискуссии о ведомственной принадлежности мест лишения свободы, и по проблеме организации массовых судебных компаний в отношении населения, сопротивлявшегося сталинской политике коллективизации, и по многим другим, более частным аспектам функционирования сферы советской уголовной юстиции того времени. В данной статье мы попытаемся выяснить истоки расхождения во взглядах обеих сторон, начало которого следует отнести к 1927 г.

К концу этого года практика применения обновленной редакции Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. со всей очевидностью продемонстрировала наличие в его тексте ряда положений, хотя и прогрессивных по своей сути, но по факту существенно затруднявших деятельность судов и других государственных органов в части назначения и исполнения уголовных наказаний, или, как они тогда назывались, «мер социальной защиты». Среди них главными были: а) установление в Кодексе минимального срока лишения свободы в 1 день, и б) наличие в санкциях многих статей Особенной части альтернативных наказаний – принудительных работ и лишения свободы. Фактическое отсутствие на тот период условий для полноценной реализации принудительных работ во многом вынуждало судей назначать наказание в виде лишения свободы на короткие сроки за преступления небольшой тяжести [4, с. 56]. В результате на фоне реального снижения объема и уровня преступности в стране количество заключенных в местах лишения свободы неуклонно росло [5, с. 56].

Предложения Крыленко и Ширвиндта по решению и этой проблемы, и по вопросу совершенствования уголовной политики в целом, существенно различались. Так, по мнению Крыленко (занимавшего на тот момент должность заместителя наркома юстиции РСФСР и старшего помощника Прокурора РСФСР), сложившаяся ситуация явилась прямым следствием недостат-

ков действующего УК, на который, как он указывал, «хотя и нельзя смотреть как на перепечатку буржуазных кодексов с некоторым изменением терминологии, но все же нельзя не признать, что при создании Уголовного кодекса влияние этих последних сказалось в достаточной степени». «Ибо почему, – негодовал Крыленко, – нельзя было поставить вопрос так, что с точки зрения политики пролетарской власти только три меры репрессии должны иметь место: ряд мер общественно-морального воздействия вплоть до условного осуждения (возложения обязанности загладить вред, принудительных работ без лишения свободы и т. д.) с одной стороны, лишение свободы на длительный период, не менее 3–4 лет с неопределенными приговорами и правом исправительно-трудовых органов по своему усмотрению изменять или укорачивать сроки изоляции – с другой стороны, и, наконец, расстрел, как жестокая, но в то же время наиболее действительная мера самообороны. Все остальные меры должны были бы быть при последовательной постановке вопроса исключены из нашего перечня мер социальной защиты. Такая постановка проблемы представлялась бы вполне обоснованной, принципиально последовательной и логичной» [6, с. 87–88].

В вышедшей практически одновременно статье Н. В. Крыленко в «Еженедельнике советской юстиции», приуроченном 10-летию установления Советской власти, ее автор не менее горячо обрушился на принцип построения санкций Особенной части УК. Он писал: «Мы считаем, что пора совершенно открыто заявить, – а мы глубоко убеждены, что это так, – что наш Уголовный кодекс, построенный по принципу «до» и «не ниже», не отвечает основным принципиальным воззрениям научного марксизма на сущность преступления и мер борьбы с ним». При этом здесь Крыленко выступил уже только за продление срока наказания: «Нам более целесообразной представлялась бы постановка дела уголовной репрессии так, чтобы определенные категории преступлений влекли за собой длительные сроки лишения свободы, однако, без точного определения их предела» [7, с. 1334]. «Все вместе, – заключал он, – заставляет поставить вопрос в области уголовной политики: 1) о ликвидации коротких сроков лишения свободы, 2) о серьезной постановке дела в исправительно-трудовых учреждениях и наконец, 3) о необходимости коренной переработки нашего Уголовного кодекса, может быть, вплоть до постановки вопроса о целесообразности вообще самого построения кодекса из статей, снабженных карательными санкциями» [6, с. 88].

В отличие от Крыленко, Ширвиндт (на тот момент являвшийся заместителем наркома внутренних дел, начальником ГУМЗ НКВД РСФСР и Центрального управления конвойной стражи СССР) в своем докладе «Проблема тюрем», прочитанном на пленарном заседании ГИПП, не ограничился критикой действующего уголовного законодательства, а прямо констатировал: «Рост населения мест заключения, наблюдающийся в 1927 г., происходит отнюдь не за счет повышения преступности в стране, а исключительно за счет перепроизводства наказаний со стороны судебных органов». Это обстоятельство заставляет «поставить вопрос о режиме экономии в карательной политике» [1, с. 1063]. Этот режим, как полагал Ширвиндт, на практике

должен проявиться в уменьшении роли лишения свободы («меры общего предупреждения») в пользу мер воспитательного характера, или «частного предупреждения». Первая из них должна применяться только «в области борьбы с преступлениями, направленными непосредственно против существования государства трудящихся» и должна быть постепенно вытесняема «за счет роста значения частного предупреждения – в области борьбы с общей уголовной преступностью» [8, с. 76–77]. «Между тем, – писал Ширвиндт, – мы каждодневно наблюдаем и в области борьбы с уголовной преступностью чрезмерное увлечение общим предупреждением с параллельной недооценкой значения частного предупреждения. В этом сказываются стихийность, непланомерность, отсутствие марксистского подхода, неумение или нежелание сделать правильные практические выводы из бесспорных, марксистски выдержанных положений» [8, с. 76–77]. Все это являлось, по мысли автора, во многом следствием той непоследовательности, которую проявлял сам Н. В. Крыленко в вопросе о векторе реформ в области уголовного права.

Как указывал Ширвиндт, «в 1923 году на Всероссийском съезде работников пенитенциарного дела Н. В. Крыленко говорил: “Сплошной маниловщиной является такое положение вещей, когда в атмосфере гражданской войны, в атмосфере классовой обостренной войны, в атмосфере социальной разрухи, когда деклассированные элементы старого общества имеются налицо, – маниловщиной будет думать, что до изменения этих общих условий, путем содержания в тюрьме, вы этого человека переработаете”. А в 1927 г. в 4-м номере журнала “Революция права” Н. В. Крыленко в числе трех вопросов уголовной политики, которые он ставит, включает вопрос “О серьезной постановке дела в исправительно-трудовых учреждениях”. Далее, если в 1924 году на Всероссийском съезде деятелей советской юстиции Н. В. Крыленко защищал “аптекарские” или “алгебраические” дозы тюремного заключения и доказывал, что “длительные сроки нам не по карману”, то в 1927 году он уже приходит к убеждению, что “говорить об исправительно-трудовом воздействии в порядке заключения на 2–3 месяца в тюрьму – бессмыслица; говорить о серьезных результатах подобной политики с точки зрения других целей, которые ставит себе наш суд, – защита государства, воспитание трудовой дисциплины и т. д. – является, равным образом, недопустимой натяжкой”» [8, с. 77–78].

Следуя мысли Ширвинда, такая противоречивая позиция одного из руководителей советской юстиции лишь отдаляла начало того исторического периода в жизни советского государства, когда «сфера применения лишения свободы должна систематически суживаться и, соответственно, должна расширяться сфера применения так называемых альтернатив к лишению свободы, точно так же, как все вообще применяемые меры социальной защиты должны все более терять характер репрессии и приобретать характер воспитательных мер» [8, с. 78–79].

Фактически Ширвиндт соглашался с Крыленко только в одном, а именно в целесообразности применения неопределенных приговоров. При этом,

в отличие от представителя Наркомюста, глава ГУМЗ хотя и отмечал, что «в отдельных случаях (например, в отношении не поддающихся приспособлению к условиям трудового общежития профессионалов–рецидивистов) целесообразность диктует дальнейшее применение мер социальной защиты сверх установленного судом срока» [8, с. 82], однако основной упор он все-таки делал на сокращении срока применения подобных мер. «Преступление, отдельно взятое и служащее предметом судебного разбирательства, – писал Ширвиндт, – отнюдь не может дать непогрешимо правильного представления о степени и социальной опасности деятеля. О продолжительности же социальной опасности никто, а в том числе и суд, не может делать безошибочно прогноза на более или менее отдаленное будущее». А отсюда, как заключал он, «не только социальная опасность преступника не является чем-то абсолютным. Отдельные преступления могут изменять или вовсе терять свою социальную опасность. Сколько раз за последние 10 лет мы были свидетелями того, что опасное и объявлявшееся только вчера преступным, делалось на сегодня безопасным и ненаказуемым. С точки зрения буржуазных теорий возмездия, осужденные за подобные преступления должны до конца отбыть назначенное им наказание. Революционная марксистская диалектика устанавливает, что дальнейшее содержание таких осужденных является нецелесообразным, бессмысленным и вредным» [8, с. 81]. Из всего этого Ширвиндт делал вывод о необходимости «неустанно подчеркивать значение условно-досрочного освобождения, а также частных и общих амнистий как меры, вносящей принцип рационализации в систему твердо фиксированных сроков лишения свободы, всегда более или менее случайных и никогда не способных заранее точно предусмотреть время, которое действительно необходимо для приспособления к условиям трудового общежития или которое нужно для того, чтобы миновала общественная опасность преступника или преступления» [9, с. 6].

По результатам докладов наркоматов юстиции и внутренних дел, которые в значительной степени отражали вышеуказанные позиции их руководителей, 26 марта 1928 г. ЦИК и СНК РСФСР было принято постановление «О карательной политике и состоянии мест заключения» [11], которое, казалось бы, могло поставить точку в споре между Крыленко и Ширвиндтом, склонившись к позиции одной из сторон. Однако содержание этого нормативного документа можно истолковать как двойственное. Так, Наркомату юстиции было рекомендовано «в максимальной степени развить практику замены кратких сроков лишения свободы иными мерами социальной защиты, применять лишение свободы к случайным преступникам только в тех случаях, когда применение иных мер является либо невозможным, либо явно нецелесообразным». Сам перечень таких мер предлагалось дополнить принудительными работами без содержания под стражей, устранением от должности и снятием с работы на определенные сроки, лишением права занимать ответственные или выборные должности, выговором с опубликованием на общих собраниях предприятий либо в печати и др. Одновременно в постановлении отмечалось «отсутствие планомерной и достаточно выдержанной с

классовой точки зрения политики в регулировании пребывания осужденных в местах лишения заключения, в частности, недостаточно обоснованное допущение в ряде случаев льгот для классово-чуждых и социально-опасных элементов исключительно по формальным основаниям». Для таких категорий преступников признавалось необходимым дополнять назначение суровых мер репрессии «не менее строгим осуществлением приговоров, допуская смягчение принятых судом мер социальной защиты и досрочного освобождения этих категорий преступников лишь в исключительных обстоятельствах и в условиях, гарантирующих их действительную социальную безопасность для общества». Одновременно НКЮ и НКВД поручалось разработать проект закона, «вводящего в Исправительно-трудовой кодекс право соответствующих органов ставить вопрос о необходимости продления сроков или принятия новых мер социальной защиты в отношении лиц, не поддающихся исправлению».

Последующие события показали, что практика выполнения данного постановления не только не способствовала снятию возникших противоречий между двумя ведомствами и их руководителями, но, напротив, усилила накал борьбы. Превосходство в ней в конечном счете продемонстрировал Крыленко, назначенный в 1931 г. главой Наркомата юстиции и Прокурором РСФСР, в подчинение которого отошли и ранее подведомственные НКВД места заключения, и Государственный институт по изучению преступности и преступника. Ширвиндт в этом же году лишился всех своих постов и перешел на работу сначала в Наркомат водного транспорта СССР, а впоследствии в Прокуратуру СССР. Тем не менее, победа Крыленко в этой аппаратной борьбе стала для него «пирровой»: вскоре он сам стал «жертвой» еще более сильного и коварного политического «хищника» того периода – А. Я. Вышинского. В 1938 г. Н. В. Крыленко был осужден и расстрелян. Еще раньше был арестован и Е. Г. Ширвиндт, которому, к счастью, удалось уцелеть в сталинских лагерях, выйти на свободу и добиться в 1955 г. своей реабилитации. Однако вскоре в 1958 г. он скончался.

Приведенный выше анализ некоторых взглядов руководителя ГУМЗ по вопросу о роли и значении уголовной репрессии в жизни общества дает основание считать его принципиальным человеком, отличавшимся широтой взглядов и гуманистическим мировоззрением. Схожая точка зрения высказывалась и в мемуарах коллег Ширвиндта, и в научной литературе [4; 10]. Надеемся, что последующие исследования административной и творческой деятельности Евсея Густавовича лишь подтвердят этот вывод.

Библиографический список

1. У. В Государственном Институте по изучению преступности и преступника // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 34. С. 1062–1063.
2. Juviler P. Revolutionary Law and Order: Politics and Social Change in the USSR. New York, 1976. 274 p.
3. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. : сборник документов. М., 1995. 303 с.

4. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. 464 с.
5. Ширвиндт Е. Перспективы уголовной политики и лишение свободы // Проблемы преступности. Вып. 3. М., 1928. С. 3–16.
6. Крыленко Н. Пора! // Революция права. 1927. № 4. С. 84–91.
7. Крыленко Н. На рубеже // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 43. С. 1332–1334.
8. Ширвиндт Е. Проблемы советского уголовного права на грани второго десятилетия Октября // Советское право. 1927. № 6. С. 74–83.
9. Ширвиндт Е. Перспективы карательной политики (К постановлению Правительства РСФСР // Советское право. 2028. № 3. С. 3–10.
10. Утевский Б. С. Воспоминания юриста. М., 1989. 304 с.
11. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР по докладам Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата внутренних дел о карательной политике и состоянии мест заключения (Протокол ВЦИК № 49 от 26/III – 28 г., п. б) // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 14. С. 417–419.